

АЛЕКСАНДР ДОМОВЕЦ

**АД БЛИЖЕ,
ЧЕМ ДУМАЮТ**

Роман

Волгоград
2017

Домовец, Александр Григорьевич

Ад ближе, чем думают: роман /Александр Домовец. — Волгоград, Издатель, 2017. — 344 с.

События романа происходят в России и Англии начала XXI века. Однако описываемая реальность альтернативна существующей.

На планете доминирует союз России и Франции. Два века назад страны объединили усилия, чтобы противостоять вероломной Британии. Но Англия не смирилась. Проиграв собственноручно развязанные две европейские и две мировые войны, Альбион пытается вернуть былое величие.

...В деревне Эйвбери трагически погибает российский офицер Сергей Добромыслов. Деревня окружена огромными древними мегалитами. Эта земля с незапамятных времен окутана мистикой. Как очутился здесь Добромыслов? Чем занято историческое общество «Наследие прошлого», обосновавшееся в Эйвбери?

Шаг за шагом герои книги приближаются к пониманию природы страшных чудес Эйвбери. Разгадку они находят в ритуальной гробнице Вест-Кеннет, близ которой было обнаружено тело Добромыслова.

Ценой тяжких испытаний герои предотвращают угрозу распада франко-русского союза и существующего миропорядка в целом. Но когда, казалось бы, все уже позади, из тени выходит могущественный таинственный враг...

ББК

© Домовец, А. Г., 2017
© ГБУК «Издатель», оформление, 2017

Пролог

Положительно, граф Петр Алексеевич Пален чем-то смахивал на ожившую статую. Неподвижные черты лица, ледяной взгляд, неторопливые скупые движения и негромкая, медлительная речь — все это говорило о значимости персоны военного губернатора Петербурга, однако симпатии окружающих ему не прибавляло. В его надменности ощущалась некая угроза, и даже высшие сановники империи в разговоре с графом держались настороженно.

Был, впрочем, один человек, в общении с которым Палена вел себя так, словно его подменили. Куда только девалась манера цедить слова и смотреть мимо собеседника! И голос делался мягче, и гордо расправленные плечи слегка ссутуливались, и руки вытягивались чуть ли не по швам... Метаморфозы эти происходили исключительно в присутствии императора Павла.

Нынешняя встреча монарха с губернатором проходила в личных императорских покоях — на втором этаже только-только выстроенного и заселенного Михайловского замка. Павел размашисто шагал по кабинету и, не стесняя себя выбором выражений, отчитывал Палена. Тот, молча, выслушивал упреки и лишь невозмутимо поворачивал голову влево-вправо вслед за императором.

— Я начинаю жалеть, что вернул вас из отставки, — раздраженно говорил Павел. — Весь город гудит от слухов о заговоре против моей персоны, а вы молчите. Хорош военный губернатор, нечего сказать! Случись второй всемирный потоп, вы и его проспите... Да у меня Кутайсов больше вашего знает!

В завершение тирады Павел сильно ударил кулаком по столу. Массивная бронзовая чернильница с позолоченной фигуркой льва на крышечке подпрыгнула, хрустальная подставка для перьев перевернулась, содержимое высыпалось на бумаги.

— В осведомленности обер-шпехтштальмейстера я ничуть не сомневаюсь, — спокойно сказал Пален. — Однако же позвольте заметить, ваше величество, что и моя полиция недаром хлеб ест. Разумеется, слухи и сплетни насчет заговора мне известны.

— Так почему же в ваших докладах о том ни единого слова? — резко спросил Павел.

— Да потому, государь, что не к лицу губернатору потчевать ваше величество небылицами, — сухо ответил граф с полупоклоном. — Но как только у меня будут проверенные факты, я немедленно доведу их до вашего сведения.

— Ну, спасибо, утешил, — насмешливо произнес Павел. — А вот я знаю и без вашей полиции, что заговор — есть, что против меня злоумышляют

братья Зубовы, генерал Беннигсен, командиры полков Депредавич и Уваров и даже...

Он замолчал. Вытянув шею, граф напряженно ждал продолжения фразы. Павел вплотную подошел к нему, посмотрел снизу вверх и чуть ли не шепотом яростно добавил:

— И даже сыновья мои Александр и Константин. Что скажете, граф?

Пален выдержал паузу.

— Графа Кутайсова можно поздравить: его соглядатаи работают на совесть, — наконец сказал он со вздохом. — Ну, раз уж вы все знаете, ваше величество, не вижу смысла таиться далее. Теперь я могу признаться...

— В чем? — рявкнул Павел.

— Действительно, заговор против вас существует, и мне о том известно, — медленно заговорил Пален. — Действительно, в комплоте состоят все названные персоны. Но вы не назвали еще одного участника — самого главного.

— И кто же это?

— Я, ваше величество, — с этими словами граф склонил голову.

Павел невольно отпрянул и, поскользнувшись на дубовом паркете, схватился за край стола. От резкого движения полы черного мундира с высоким красным воротником пошли вразлет, орденская лента сбилась набок. Невзрачное курносое лицо императора выразило изумление.

— Ты в уме ли, граф? — участливо спросил он, отбросив привычное обращение на «вы».

— Позвольте мне объясниться, ваше величество, и тогда уж сами решайте, сумасшедший ли я, — откликнулся Пален и, раздвигая бледные губы в улыбке, добавил: — Не угодно ли вам сесть?

Заинтригованный император опустился в кресло, жестом пригласил графа сделать то же самое и, закинув ногу за ногу, приготовился слушать.

— Заговор зреет уже несколько месяцев, — негромко продолжал граф, усаживаясь напротив Павла. — Заговорщики недовольны многим...

— Чем именно? — резко спросил император. — Говори, как есть, приказываю!

— Слушаюсь, ваше величество... Общественная ситуация, коротко говоря, такова. Помещики протестуют против указа о трехдневной барщине. Церковь возмущена разрешением строить во всех епархиях старообрядческие храмы. Военным не по душе новые уставы. (Павел побагровел.) Дворянство недоумевает в части принятия вами титула великого магистра Мальтийского ордена, открытия орденского посольства в Петербурге и постоянного пребывания рыцарей-иоаннитов близ вашей персоны...

— Толково доложено, — сумрачно оценил рапорт Палена император. — Сжато и по делу. Это все?

Пален замаялся, однако продолжил:

— Увы, нет, ваше величество. Все сказанное существенно, — однако, главное в ином. Растет общее недовольство курсом на сближение с богопротивной якобинской Францией, который вы, ваше величество, с некоторых пор активно проводите. Россия вот-вот вступит в противостояние с монархиями Европы, вековые союзы рушатся, английский посол Витворт уже выслан... Я лишь повторяю аргументы заговорщиков, — быстро добавил он, заметив гневный жест императора. — Если попытаться, их целью является свержение

законного монарха и передача трона цесаревичу Александру, который все вернет на круги своя. Другими словами, к традициям блаженной памяти императрицы Екатерины Второй. В заговор вовлечены многие придворные, дворяне, офицеры гвардии. Вот примерный список участников...

С этими словами Пален извлек из внутреннего кармана и передал императору несколько листов. Павел, нервно морщась, просмотрел их.

— Непостижимо! — выдохнул он, швыряя бумаги на стол. — Семеновцы, измайловцы... Так что же — вся армия против меня? Смотри, и Талызин тут же. Мерзавец! Не я ли сделал его генералом?..

— Теперь вы понимаете, ваше величество, почему я не отказал, когда заговорщики предложили мне встать в их ряды, — журчал Пален. — Лишь присоединившись к злоумышленникам, я смог поименно определить их и составить представление о масштабе заговора. А он, увы, чрезвычайно велик. И дело не в том, что этот список насчитывает более сотни фамилий. Во главе заговора стоит ваш сын и наследник Александр, — вот главная беда. Впрочем, об этом вы знаете и без меня...

Взбешенный Павел вскочил на ноги. Свиристый удар трости обрушился на китайскую напольную вазу и разнес ее вдребезги.

— Он не сын мне больше! — завопил император, топчя безвинные осколки фарфора. — Повелеваю арестовать заговорщиков, провести следствие и наказать жестоко! Сегодня же! Немедленно! Вырвать с корнем изменную траву! Ты понял меня, Пален?

Граф неторопливо поднялся из кресла.

— Воля вашего величества будет исполнена, — веско сказал он. — И все же я предлагаю немного выждать. Что мы сейчас можем предъявить заговорщикам, государь? В чем обвинить? Пока что против них лишь слухи и сплетни. А вот через два дня, когда они планируют выступление, мы возьмем их с поличным. На то у меня есть верные части и полиция. Только после этого у следствия будут все улики. Но и тогда...

— Что «тогда»? — прорычал Павел.

Граф наклонился к императору.

— Схватить и заточить какого-нибудь Зубова, Аргамакова или Уварова — дело нетрудное, — медленно произнес он. — Но у кого поднимется рука на цесаревича Александра? Помилуйте! Даже я, военный губернатор столицы, осмелюсь арестовать наследника престола, лишь располагая прямой санкцией императора, изложенной в виде письменного приказа.

— Что?! Тебе мало моего слова?

— В этом случае — да, — твердо ответил Пален. — Посудите сами, ваше величество! Особа, о которой идет речь, — следующий правитель Российской империи по праву естества. Это ваша плоть и кровь! И я хочу быть уверен, государь, что сердце ваше не дрогнет от жалости, и вы не измените свое решение и впоследствии не накажете того, кто кинулся арестовывать цесаревича, быть может, неверно истолковав ваши слова...

Павел отлично понял смысл витиеватой реплики.

— Так ты боишься ответственности? — мрачно то ли спросил, то ли констатировал он. — Ну, что ж... Запомни: слово рыцаря крепче любой печати. В другой раз я бы обиделся за недоверие к своему императору. Но теперь не до обид!

С этими словами Павел присел к столу и быстро написал несколько строк.

— Для начала подвергнешь его домашнему аресту, а там посмотрим, — словно через силу сказал он, вручая сложенный лист графу. — Но арестовать надо не раньше, чем выступят заговорщики. Иначе он от всего отопрется. Ты понял?

— Я все сделаю, ваше величество, — торжественно произнес Пален, бережно убирая бумагу во внутренний карман мундира. — И позвольте без лести сказать, что решение ваше останется в веках как немеркнувший пример неукоснительного служения монаршему долгу! А долг превыше всего, превыше даже родственных уз! Да и что они пред лицом государственных интересов?

Император, сгорбившись в кресле, исподлобья взглянул на графа. Внезапно голову пронзила резкая боль, и Павел невольно схватился за виски. Только аполексического удара теперь не хватало! До чего довели, негодяи...

— Что с вами, ваше величество? — услышал он участливый голос Палена.

— Да так, — с усилием ответил Павел, пытаясь подняться. — Что-то мне сегодня неможется. И в глазах все время рябит...

Граф сочувственно посмотрел на монарха.

— У меня тоже, — признался он. — Это все от сырости. От сырости и свечей.

Действительно, прошло едва ли сорок дней, как строительство Михайловского замка завершилось, и каменная кладка еще не высохла. К тому же за окном стоял холодный сырой март. Чтобы уничтожить испарения, лакеи день и ночь жгли камин, но помогало слабо. В воздухе витал густой влажный туман пополам со свечным дымом, порой трудно было разглядеть собеседника даже на пяти шагах.

— Ну, может, ты и прав, — медленно сказал Павел. — Из-за этого чада и дышать трудно, и порой мерещится черт знает что...

— Вот как?

— Да! Вообрази только: второго дня я увидел в зеркале собственное изображение со свернутой набок шей!

Последние слова у Павла вырвались против воли. Видение (мгновенно исчезнувшее, впрочем) было настолько пугающим, что император никому не хотел о нем говорить.

— Нервы, ваше величество, нервы, — успокаивающе произнес Пален. — Да оно и не удивительно. Боюсь даже представить, какое напряжение вы постоянно испытываете, думая о заговоре...

— Заговор... — с горечью повторил Павел. — Ну ладно, эти мерзавцы Зубовы и иже с ними. Но Александр! Мало, что сын, так еще и наследник престола! Уж он-то должен понимать, что союз с Бонапартом сулит России невиданные выгоды.

Граф глубоко вздохнул.

— Не затруднит ли ваше величество объяснить суть этих выгод, — сказал он. — Я человек военный, прямолинейный и, видимо, чего-то не возьму в толк. Заговорщикам, разумеется, я враг и планы их расстрою. Но нельзя отрицать, что недовольство этим союзом в обществе очень велико.

— Удел монарха в том, чтобы смотреть дальше, чем его подданные, — резко произнес Павел. — Ты хочешь знать выгоды от комплота с Бонапартом? Изволь.

Тебе ли, генералу, объяснять, что союзные Англия, Австрия и Пруссия насытны в желании использовать русских солдат? Что они толкают нас воевать с Бонапартом, а сами, битые многократно, мечтают отсидеться в кустах? Что они хотят от нас всего и не дают взамен ничего? Нет уж, их дружбой я сыт по горло! С такими друзьями и врагов не нужно...

Теперь Франция. Да, якобинская и безбожная. Да, во главе с этим выскочкой — самозванным первым консулом. Но! — Павел поднял указательный палец. — В Бонапарте жив истинно рыцарский дух. Не случайно же он за свой счет обмундировал наш пленный полк и отпустил домой. С ним можно иметь дело. Союз, который он предлагает без всяких условий, и нужен, и выгоден. Ведь Россия и Франция, соединившись, продиктуют волю кому угодно. И никто, слышишь ли, граф, — никто не сможет нам противостоять!

— Пожалуй, — тихо и задумчиво откликнулся Пален.

— В союзе с Францией мы достигнем полной гегемонии в Европе, — продолжал Павел, все больше увлекаясь. — Потом дойдет черед и до Востока с Африкой. Ходил же Бонапарт в Египет, и не без успеха, черт возьми!.. Что, к примеру, останется от Англии, коли отнять у нее Индию с несметными богатствами? И насколько усилимся мы, разделив эти богатства с Францией... А мы их разделим, разделим непременно! Наши Орлов с Платовым и французский генерал Массена уже выступили в поход на Ганг. И это только начало!.. Теперь ты понимаешь, граф, смысл моего нового курса?

Пален в волнении поднялся.

— Склоняю голову перед его величием, — твердо сказал он. — Но, государь, не опасаетесь ли вы, что Бонапарт окажется ненадежным союзником? И, паче того, неподходящим? Тысячу раз простите, но что общего между могущественнейшим из монархов — и республиканцем, робеспьеровским генералом? Какой мезальянс...

— Тут все непросто, на то и политика, — снисходительно ответил Павел, пожимая узкими плечами. — Лекцию читать не буду, скажу только, что общее у нас — интересы. И прочность нашего союза будет обеспечена этой общностью. А что до мезальянса... Бонапарт уже давно не республиканец, да и Робеспьер — перевернутая страница. Все идет к тому, что в ближайшие годы первый консул республику упразднит и вместо нее провозгласит империю. А сам при этом станет родоначальником новой династии. Почему бы и нет? Романовы и Габсбурги тоже когда-то были простыми дворянами... И вот тогда монархи Европы наперебой кинутся предлагать ему в жены своих дочерей.

— Но он женат...

— Разведется, — уверенно сказал Павел. — Жозефина бесплодна, а династические интересы потребуют наследника престола. Стало быть, новый брак неизбежен, попомни мои слова.

Пален не без удивления отметил, что прозорливость и логика суждений императора являют резкий контраст с его простоватой внешностью и репутацией взбалмошного правителя. Прав Павел, по всем статьям прав... Граф склонился в низком поклоне.

— Мне все ясно, ваше величество, — произнес он торжественно. — Теперь позвольте удалиться. Вскоре назначена моя встреча с цесаревичем. Вы ведь помните, что я один из главных заговорщиков, — добавил он с улыбкой.

Лицо Павла, только что светившееся воодушевлением, омрачилось.

— Ступай, — вяло сказал он.

Покидая императорские апартаменты, Пален снова подумал, что Павел совершенно прав. Вероломство прежних союзников неотвратимо толкает его в объятия Бонапарта. И в комплоте с Францией Россия неминуемо получит свою долю мирового пирога и прирастет территориями, природными богатствами, подданными. (В этом смысле отношения с Мальтийским орденом тоже очень даже оправданы. В сущности, еще одна губерния — заморская. Военная база, стоянка для флота, пригляд за Средиземноморьем — в контру Англии...) Вот и выходит, что в близком будущем — взлет державы, развитие культуры и образования, внутренние вольности... А они будут, непременно будут, залогом тому либеральные взгляды Павла. Чего стоит один манифест в пользу крепостных, ограничивающий барщину тремя днями в неделю!.. А там и до конституции рукой подать...

Челюсти графа сами собой сжались, издав неприятный скрежет.

— Бедный, бедный Павел, — негромко произнес Пален, садясь в ожидавшую карету.

Как только губернатор покинул кабинет, император подошел к массивной ширме, закрывавшей угол комнаты, и отодвинул ее в сторону. Из-за ширмы выскользнул невысокий черноволосый юркий человек в роскошном придворном платье. То был Иван Кутайсов — в прошлом брадобрей Павла, в бытность его цесаревичем, а ныне граф и обер-шпрехтшталмейстер.

— Что скажешь, Иван Павлович? — мрачно спросил любимца император.

Кутайсов подошел к жарко пылающему камину, плюнул в огонь и сказал:

— Хитрит Иуда. — Выдержав паузу, добавил: — Вы по-прежнему считаете, ваше величество, что мы проявляем излишнюю осторожность?

Сжав голову ладонями, Павел вдруг горестно произнес:

— Не могу поверить, слышишь? Возможно ли такое вероломство? За что ненавидят?.. И сын тоже, Саша...

Вечером того же дня в гостиной цесаревича шел трудный разговор. Впрочем, его скорее следовало бы назвать монологом графа Палена — Александр молчал, и лишь дрожание век при самых откровенных высказываниях собеседника свидетельствовало, что слушает он внимательно.

— Ваше высочество, это уже невыносимо! — говорил Пален. — Взбалмошностью ваш батюшка превзошел даже своего родителя, блаженной памяти императора Петра Федоровича...

Александр молчал, внимательно рассматривая настенный гобелен.

— Россия устала от него и боится, — продолжал Пален. — А этот союз с богопротивной Францией, с республиканцем Наполеоном! Ваши предки переворачиваются теперь в своих гробах. Повсюду хаос, беспорядок, подрыв устоев... Доколе?!

Цесаревич продолжал молчать, и лишь пальцы его все крепче сжимали ручку кресла.

— Так дальше продолжаться не может! Вы понимаете меня, ваше высочество? Я... мы все видим только один путь исправить положение. Престол должен занять монарх, достойный править. И этот монарх — вы!

Откинувшись в кресле, Александр закрыл глаза. Пален терпеливо ждал ответа и в который раз дивился про себя несходству между отцом и сыном. Не будь императрица Мария Федоровна верной и преданной женой, можно было

бы заподозрить, что цесаревич появился на свет в результате посторонней связи. Высокий, стройный, белокурый Александр очаровывал приветливым взглядом и кроткой улыбкой. Немногие догадывались, что цесаревич, воспитанный бабушкой Екатериной Великой, в полной мере унаследовал ее умение скрывать мысли, хитрить, а в случае нужды и лицемерить, сохраняя при этом вполне простодушный вид.

Наконец Александр открыл глаза.

— Я никогда не приму участие в заговоре против отца, — отдельно сказал он. — Вот вам мое последнее слово. Это противно законам божеским и человеческим. Более того, я призываю вас и ваших сообщников отказаться от преступных планов. Они все равно провалятся, и злоумышленников ждет эшафот. Не заставляйте императора залить Россию кровью.

Ну, что ж... Когда-то и Бориса Годунова буквально упрашивали занять престол. Целая делегация бояр и церковников трижды валялась у него в ногах, призывая на царство. И теперь, двести лет спустя, также следовало запастись терпением.

— Я восхищен, ваше высочество, — негромко произнес Пален. — Ставить во главу угла сыновний долг — это, поистине, пример, достойный подражания. Боюсь только, что батюшка ваш к своему отцовскому долгу относитесь не столь щепетильно.

Александр поднял голову.

— Что вы имеете в виду, граф? — удивленно спросил он.

— Слухи о вашей причастности к заговору распространились столь широко, что император априори считает вас виновным, — спокойно сказал Пален. — Вероятно, ему следовало бы по-отцовски поговорить с вами, объясниться... Однако он предпочел иной путь. Вот, извольте ознакомиться.

С этими словами граф достал и протянул наследнику сложенный лист бумаги. Александр быстро просмотрел его.

— Непостижимо! — вымолвил он в сильнейшем волнении. — Это же приказ о моем аресте!

— А что вас удивляет, ваше высочество? — сказал Пален, пожимая плечами. — Ваш предок Петр Первый, помолясь, обошелся с царевичем Алексеем еще более сурово. Правда, и тогда дело началось с простого ареста...

Участливо глядя на побелевшего цесаревича, граф осторожно забрал из его дрожащих рук бумагу и спрятал в карман.

— Вы видите, — вкрадчиво сказал он, — что мое положение более чем двусмысленно. Как военный губернатор Петербурга я должен исполнить прямой приказ императора и подвергнуть вас домашнему аресту... для начала. Что будет потом, один бог ведает. Но как дворянин, болеющий душой за державу, я не могу поднять руку на того, кто является оплотом и последней надеждой России. И вот я снова спрашиваю, ваше высочество: вы с нами?

Страдальчески изогнув брови, Александр впервые за все время разговора посмотрел Палену прямо в глаза. Тот ответил твердым взглядом. Александр открыл рот, словно хотел что-то сказать, но передумал. Просто кивнул — медленно, со скорбным выражением лица...

Вечером 11 марта император Павел по обыкновению ушел в свои покои после десяти часов. Потрепав по плечу солдата Агапеева, стоявшего на посту

возле входа, он помолился у иконы в прихожей, принял питье из рук лейб-медика Гриве и через потайную лестницу спустился к прелестной княгине Гагариной. Около часа Павел провел у фаворитки, побеседовал с ее мужем, пообещав ему вместо вечно болевшего графа Ливена портфель военного министра.

В полночь император поднялся к себе и удалился в спальню, пожелав слугам спокойной ночи.

Заговорщики числом десять во главе с братьями Зубовыми и генералом Беннигсеном подошли к внешней двери покоев через четверть часа.

— Кто такие?.. — открыл было рот Агапеев и получил от Николая Зубова саблей по голове.

С выражением изумления на залитом кровью лице часовой осел на пол. Отпихнув солдата ногой, к двери подошел Аргамаков и сильно постучал. Через минуту в прихожей послышались шаги.

— Кто там? — раздался заспанный голос дежурного камердинера.

— Флигель-адъютант Аргамаков, — рявкнул в ответ офицер. — Шесть часов утра. Время доклада государю.

Последовала пауза.

— Вы, верно, ошибаетесь, господин флигель-адъютант, — возразил наконец удивленный камердинер. — Мы только что легли спать. Сейчас едва ли начало первого...

— У вас часы остановились, не иначе, — нетерпеливо возразил Аргамаков. — Открывайте же. Если по вашей милости я пропущу время доклада, государь не помилует. Да и вам достанется, будьте уверены!

После короткой паузы дверь открылась. Заговорщики ворвались в прихожую, и камердинер вместе с двумя камер-гусарами в мгновение ока разделили участь Агапеева. Но когда офицеры вбежали в спальню императора, выяснилось, что там никого нет. Постель под массивным балдахином была даже не смята. За ширмой в углу тоже никого не оказалось.

Злоумышленники, оглядываясь, растерянно топтались посреди спальни. На стенах комнаты плясали их тени, отброшенные тусклым светом захваченной из прихожей лампы.

— Это что же, птичка упорхнула? — прорычал Платон Зубов.

— Похоже на то, — буркнул Вяземский и выругался по матери.

— Пойдите-ка, — возразил Беннигсен. — А это что?

Он быстрым шагом пересек спальню и подошел к зашторенному окну. Резким движением отдернул портьеры. И — замер, пораженный.

На широком подоконнике стоял мужчина, одетый в черное. Однако это был не император: и ростом выше, и в плечах шире. Лицо незнакомца скрывала надвинутая на лоб треуголка. На его боку висела шпага, в руках опасно поблескивали пистолеты.

— Вы кто? — резко спросил Беннигсен, отступая на шаг и хватаясь за эфес сабли.

Ответом был выстрел в упор. Пуля превратила лицо генерала в кровавую маску и отбросила тело назад. Вторым выстрелом незнакомец уложил смельчака Яшвиля, кинувшегося на подмогу Беннигсену.

Прежде чем пораженные злоумышленники пришли в себя, незнакомец отшвырнул дымящиеся пистолеты, соскочил на пол и проворно выхватил из-за

пояса новую пару. Еще два выстрела закончили с братьями Зубовыми. Хищно вдохнув резкий пороховой запах, человек в черном коротко засмеялся.

— Император нынче занят, господа, — сказал он по-французски. — Он поручил провести аудиенцию мне.

Яростно крича, заговорщики с саблями наголо бросились к незнакомцу, однако их встретили новые выстрелы. Еще одну пару пистолетов неприятель заранее оставил на подоконнике и теперь пустил в ход. Скарятин был убит наповал пулей в сердце. Вяземский с простреленным боком покатился по полу. На этом запас огнестрельного оружия у человека иссяк. Неудовимо быстрым движением он выхватил шпагу.

— Это дьявол какой-то! — взревел Аргамаков, занося саблю.

Страшен он был сейчас — багровый, растрепанный, с дико вытаращенными глазами. Однако незнакомец оказался не из пугливых и действовал на редкость хладнокровно. Ловко уклонившись от удара, он вонзил шпагу в горло флигель-адъютанту. Аргамаков выронил саблю. В последний свой миг он вдруг узнал человека в черном, с которого во время схватки упала скрывавшая лицо треуголка. То был мальтийский рыцарь-иоаннит Пьер де Сешель, состоявший в посольстве ордена в Петербурге и принятый при дворе. Но как он здесь оказался? Да еще вооруженный до зубов?.. Больше ни о чем Аргамаков подумать уже не мог, — сомлел.

Оставив флигель-адъютанта умирать на полу, де Сешель метнулся к наружной двери и, став в проеме, загородил выход. Теперь у трех пока еще невредимых злоумышленников было два пути к отступлению: либо прыгать в окно, либо пройти через дверь по трупу рыцаря. Горданов, Татаринов и Бологовский в нерешительности остановились в пяти шагах от мальтийца, медля с нападением. Совсем не трусы, офицеры испытывали сейчас нечто вроде суеверного страха. В считанные минуты человек в черном уничтожил большую часть заговорщиков и при этом даже не запыхался. Да человек ли это?..

Неожиданно в коридоре возник нарастающий шум.

— Держись, ребята! Это Пален с Уваровым ведут со двора подмогу! — кричал Татаринов, и в голосе его явственно прозвучало облегчение.

— Ошибаетесь, месье, — с отменной вежливостью сказал де Сешель. — Сдается мне, напротив, это генерал Аракчеев с лейб-гвардейцами вяжет ваших товарищей по заговору. Так что надеяться не на что.

Татаринов выпучил глаза, усы его стали торчком.

— Аракчеев? Что за чушь?! Он же в ссылке...

— Третьего дня секретным распоряжением императора из нее возвращен и вот уже два часа как возглавил Преображенский полк взамен изменника Тальзына, — охотно пояснил мальтиец. — Правда, знают об этом лишь те, кому надлежит, и ни единой персоной более... В общем, предлагаю сложить оружие и вверить дальнейшую участь в руки императора. Возможно, он проявит милосердие и оставит вам жизнь. Хотя, откровенно говоря, вы этого не заслуживаете, — безжалостно добавил он с оттенком презрения. — Решили погубить собственного суверена — вдсятером против одного, безоружного. Замысел, достойный гиен, а не дворян и офицеров...

Бологовский рванул ворот мундира, — от яростного движения полетели крючки с пуговицами, да орденская звезда с легким звоном упала с груди на

пол. Подстегиваемый стыдом и гневом, он бросился на мальтийца. Но, упреждая выпад Бологовского, тот метнул извлеченный из сапога кинжал, и заговорщик шумно рухнул с клинком в сердце. Рыцарь коротко рассмеялся.

— Так что же, господа, вы сдаетесь? — спросил он, откидывая прядь густых черных волос с высокого лба.

Ответом было нападение. Не сговариваясь, офицеры с мужеством отчаянья одновременно атаковали де Сешеля с двух сторон. Однако мальтиец, низко пригнувшись, с поразительной легкостью проскользнул между занесенных сабель (заговорщики чуть не зарубили друг друга) и оказался за спинами нападавших. Горданов быстро обернулся — и был насквозь пронзен стремительным ударом шпаги в живот. В этот момент Татаринов, отбросив саблю, кинулся на врага, и пока тот извлекал клинок из обмякшего тела, вцепился ему в горло. Мальтийца удалось сбить с ног. С невнятным ревом офицер навалился на де Сешеля и принялся душить. Татаринову уже было все равно, что станет с ним самим, — лишь бы уничтожить рыцаря, отомстить за разрушенный план цареубийства и погубленных товарищей по заговору...

Ни весом, ни физической силой тягаться с Татариновым мальтиец не мог. Но это его ничуть не смутило. Он даже не пытался разомкнуть руки, сдавившие горло железным обручем. Зато он сложил указательный и безымянный пальцы правой руки в некое подобие двузубой вилки и неожиданно ткнул офицера в глаза. С болезненным стоном Татаринов отпрянул и схватился за лицо. Чтобы закрепить успех, де Сешель стряхнул обидчика на пол и, вскочив на ноги, чувствительно пнул ниже пояса. И вновь раздался стон.

— Негодяй! — просипел Татаринов, тяжело дыша. — Подлец! благородные люди так не сражаются!

Мальтиец pokrutil головой, разминая пострадавшую шею.

— Зато в Париже так дерется любой мальчишка, — хладнокровно сказал он. — Да и вам ли роптать? Лучшего обращения вы не заслужили...

Он быстро связал парализованного болью, скорчившегося на полу врага его же португеей. Теперь все было кончено.

Рыцарь подошел к стене и открыл потайную дверь, невидимую в пестроте узорчатых шелковых обоев.

— Поднимайтесь, ваше величество! — громко сказал он. — Вам больше ничего не угрожает.

Внизу, на узкой винтовой лестнице, соединявшей комнаты Анны Гагариной с покоями императора, послышались шаги, и в спальне появился Павел Первый. Несмотря на поздний час, он был в мундире и сапогах, на боку висела шпага, руку тяжелила трость с набалдашником слоновой кости. На бледном лице Павла застыло угрюмое выражение, а губы судорожно подергивались.

Остановившись на пороге, император оглядел комнату. Зрелище, представшее перед ним в неярком свете лампы, было поистине страшным. Из десяти заговорщиков уцелел только Татаринов. Остальные были убиты наповал или конвульсировали в предсмертных муках на залитых кровью коврах. Воздух был пропитан пороховой гарью, еще не стихли последние хрипы умирающих. Император невольно прикрыл глаза и пошатнулся, так что де Сешеля пришлось его поддерживать.

— Мои убийцы, — пробормотал Павел. — Цвет гвардии... И с ними справился один человек? Невероятно!

Преодолев слабость, император легким движением отстранил рыцаря и подошел к телу Аргамакова. Ладони покойного были прижаты к развороченному шпагой горлу, лицо исказилось от удушья, посиневшие губы искривило страдание.

— Тяжело же ты умирал, — тихо произнес Павел. — Ах, Аргамаков, Аргамаков... Не я ли тебя обласкал, не я ли приблизил к своей особе? Какое будущее открывалось! Чего тебе не хватало, несчастный?..

Мальтиец подал голос.

— Мне кажется, сир, ни он, ни остальные жалости не заслуживают, — произнес он с поклоном. — Если бы не меры предосторожности, благодаря которым на вашем месте оказался я, вы бы остались один на один с толпой головорезов. И сейчас — тысяча извинений! — впору было бы оплакивать не их, а вас. А вместе с вами также империю, которую цесаревич-наследник наверняка потащил бы назад, в прошлую эпоху...

С этими словами рыцарь отошел в сторону и скрестил руки на груди. Павел почувствовал, что краснеет. Выговор, сделанный де Сешелем почтительно и в то же время жестко, напомнил, что жертв здесь нет, — есть убийцы, получившие по заслугам. Император подошел к мальтийцу и порывисто обнял.

— Вы спасли меня, рискуя жизнью, и потому имеете право говорить нелицеприятно, — сказал он, глядя на высокого рыцаря снизу вверх. — Поверьте, я сумею быть благодарным, мой друг... Вы правы: не будем жалеть их. Сейчас важно выкорчевать изменные корни, очистить двор и армию от заговорщиков и двигаться дальше... Столько дел! Столько замыслов! И все это могло погибнуть вместе со мною...

За дверью послышались чьи-то быстрые шаги, и в спальню ворвался Кутайсов с пятью гвардейцами.

— Вы не пострадали, ваше величество? — крикнул граф, задыхаясь от бега и волнения.

— Твоими молитвами, — ледяным тоном сказал Павел. — Что-то вы не торопились на помощь. Если бы не доблесть и отвага шеваляе... Как вы вообще допустили заговорщиков в мои покои?

— Ах, государь, не велите казнить... Злоумышленники оказались хитрее и проворнее, чем мы ожидали. Они вошли во двор замка не одной, а двумя колоннами. Пока Аракчеев со своими гвардейцами разоружал первую, часть второй прорвалась во дворец... Но ведь я и предложил укрыть рыцаря в вашей спальне на всякий непредвиденный случай! Как видите, предосторожность оказалась не лишней.

Произнося взволнованную тираду, Кутайсов косился на трупы заговорщиков. При виде убитых братьев Зубовых — старых недругов — граф не удержался от злорадного хмыканья, но тут же умолк под суровым взглядом де Сешеля.

— Ладно, — произнес император уже заметно мягче. — Хорошо, что все хорошо кончается. Слава богу, обошлось — я невредим, и рыцарь тоже... Пален арестован?

— Так точно, государь. Какие будут приказания? — спросил приободренный Кутайсов, вытягиваясь в струнку.

Лицо Павла на миг исказилось жестокой гримасой.

— Палена — ко мне в кабинет! — нервно сказал он. (Один из офицеров быстро вышел за дверь.) — Шеваляе, вы будете присутствовать на допросе.

Что-то мне не хочется оставаться наедине с этим негодяем... (Де Сешель наклонил голову.) Татаринова — в крепость до особого распоряжения. Эгих, — он кивнул на трупы, — убрать. Тела семьям не отдавать. Вырыть общую могилу и захоронить тайно. Кресты не ставить! (Кутайсов чуть побледнел и раскрыл рот, однако под гневным взглядом суверена осекся.)

Повернувшись на каблуках, Павел направился к выходу, но вдруг остановился.

— Да, чуть не забыл! Цесаревича Александра взять под стражу. Немедленно! — властно произнес он. — После Палена я побеседую с ним.

— Надеюсь, ваше величество, вы уже оправились после потрясения, вызванного подлым заговором против вашей особы, — учтиво произнес Наполеон. При этом он привстал с кресла и слегка поклонился.

Неофициальная встреча императора Павла с первым консулом Французской республики проходила в Митаве, которая еще недавно была столицей герцогства Курляндского. После очередного раздела Польши в 1795 году она отошла к России и стала центром Курляндской губернии. Имение Грюнхоф, когда-то принадлежавшее последнему герцогу Петру Бирону, превратилось в резиденцию губернатора Арсеньева и теперь принимало высоких гостей. Было обоудно решено, что ни Петербург, ни Париж для первой личной встречи не подходят. В поисках нейтрального места сошлись на Курляндии, которая граничила с Пруссией, откуда в сопровождении небольшой свиты и прибыл Наполеон.

Стояла середина апреля, но злой балтийский ветер всюду свистел за высокими узкими окнами Грюнхофа, заставляя зябко ежиться и мечтать о тепле. Слуги придвинули кресла поближе к камину, поставили столик с коньяком, винами и закусками. Впрочем, ни Павел, ни Наполеон горячительными напитками не увлекались. Да и тема беседы была слишком серьезной, чтобы туманить головы крепким питьем.

Павел задумчиво смотрел на красный с синими прожилками огонь, плясавший в камине.

— Что ж, покушение... Не буду скрывать: та ночь мне часто снится. Снятся трупы заговорщиков. Снится лицо Палена, услышавшего приговор, — негромко сказал он. — Но это неважно. Главное, что цареубийство было сорвано, и я уцелел...

Меньше всего императору хотелось возвращаться мыслями к заговору, к страшной картине собственной спальни, залитой кровью злоумышленников. Но первый консул имел право задать свой вопрос. Ведь это его помощь спасла Павла от неминуемой смерти.

Разведка Наполеона обнаружила подготовку заговора уже давно. Ольга Жеребцова, любовница английского посла в России Чарльза Витворта, была платным агентом наполеоновского министра полиции Фуше. В ее доме посол встречался с заговорщиками, планировал с ними свержение императора, передавал деньги. С этими сведениями от Жеребцовой Фуше явился к первому консулу, и тот пришел в ярость. Допустить гибель Павла было никак нельзя. Его падение ставило крест на грандиозных планах, которые Франция могла осуществить лишь в союзе с далекой холодной Россией.

И ведь союз-то в первом приближении уже намечался! У тщедушного властителя бескрайней Российской империи при всех чудачествах (впрочем,

сильно преувеличенных молвой и недругами) было главное — сильная воля, недюжинный ум, ясное понимание глубинных интересов страны. И потому Павел подавал все более отчетливые знаки, что стратегический комплот с Францией вполне вероятен. Он разругался с традиционными партнерами — Австрией и Пруссией, выставил из Митавы вместе с карликовым двором короля-эмигранта Людовика Восемнадцатого, обострил отношения с Англией и даже выдворил Витворта из России. На ход заговора, впрочем, это не повлияло. Машина уже была запущена. А вот с отъездом посла дом его любовницы перестал служить местом встречи заговорщиков, Жеребцова как агент осталась не у дел, и Фуше утратил возможность контролировать действия злоумышленников...

Тогда-то министр полиции предложил напрямую сообщить Павлу о грозящей опасности. Получив согласие Наполеона, Фуше отправил в Петербург неофициального посланника. В этой роли выступил наиболее ловкий и опытный из личных телохранителей Наполеона Мишель Дюран. Бывший офицер-кавалерист, фанатично преданный первому консулу, прошел с ним итальянскую и египетскую кампании, был рядом в день захвата власти и неоднократно выполнял особые поручения. Virtuозное владение шпагой, кинжалом и пистолетом позволили молодому человеку (а Мишелю не исполнилось и тридцати) несколько раз выручить Наполеона в самых сложных ситуациях.

В Петербург Дюран прибыл поздней осенью 1800 года под видом простого французского дворянина и сразу направился на Садовую улицу, где обособилась российская резиденция Мальтийского ордена. Состоялась приватная встреча и долгая беседа с орденским министром-посланником графом Джулио Литтой. Содержание разговора осталось в тайне, однако Дюрана поселили в резиденции, и уже вскоре Литта представил его императору Павлу как рыцаря Мальтийского ордена Пьера де Сешеля, чудом спасшегося после захвата острова англичанами. (Члены орденского посольства приняли новоявленного собрата с удивлением, но министр-посланник каждому приватно объяснил, что молодой француз прибыл со специальной миссией, действует в высших интересах ордена, а рыцарем объявлен исключительно ради пользы дела.)

Рыцарское звание конститировало Дюрана в обществе и, главное, дало естественную возможность общаться с Павлом, совмещавшим титулы императора и великого гроссмейстера Мальтийского ордена. При первой же аудиенции Мишель открыл российскому самодержцу причину своего приезда и передал личное письмо Наполеона.

Читая тайное послание вождя французов, Павел испытывал противоречивые чувства. Забота о его, императора, безопасности трогала и вызывала благодарность. Но в заговор, да еще с участием ближайших людей вплоть до наследника-цесаревича, рыцарственный прямодушный Павел верить отказывался. С письмом Наполеона он, впрочем, ознакомил Кутайсова, руководившего неофициальным сыском императора. А вот фаворит воспринял предостережение всерьез. Его люди начали активно следить за названными в послании участниками заговора, к расследованию подключился и Дюран, который в качестве мальтийского рыцаря, принятого самим Павлом, стал вхож в дома высшего столичного общества. И к весне 1801 года картина готовящегося переворота окончательно прояснилась.

Что делать дальше? Заговорщики были хитры, следов не оставляли, все планы строились на словах. «Было бы идеально арестовать злоумышленников

прямо на месте преступления. В этом случае им уже не отпереться. Разумеется, при этом придется пойти на известный риск, но игра стоит свеч», — советовал Наполеон в очередном секретном письме. Павел после некоторых колебаний согласился. Однако он решил испытать цесаревича. Вручив для вида Палену приказ на арест наследника, Павел, в сущности, убил двух зайцев. Губернатору-изменнику, усыпляя бдительность, он продемонстрировал мнимое доверие. А вот Александра поставил перед окончательным выбором. Либо сын, несмотря на отцовскую немилость, останется с ним и выдаст заговор, либо...

Тайно вызванный из ссылки генерал Аракчеев получил указ, вручавший ему бразды правления Преображенским полком взамен отстраненного генерала-изменника Талызина. Гвардейцы-преображенцы, шефом которых состоял сам император и которыми Аракчеев командовал еще до ссылки, стали главной силой в подавлении заговора. Осторожный Кутайсов настоял также, чтобы на время мятежа император укрылся в покоях княгини Гагариной, а в спальне остался вооруженный до зубов Дюран. Как в воду глядел бывший брдобрей...

Заговорщики отделались разжалованием и каторгой. Но главу заговора графа Палена за чудовищное вероломство приговорили к смертной казни, и жизнь свою он закончил на виселице. Бывший цесаревич Александр был отправлен в бессрочную ссылку в далекий Тобольск. Константина, не участвовавшего прямо, но сочувствовавшего заговору, Павел специальным манифестом лишил права наследования. В том же манифесте наследником престола объявлялся третий сын императора Николай.

— Прежде чем обратиться к более серьезным темам, предлагаю обсудить небольшой вопрос, — сказал Павел. — Я знаю, ваше превосходительство, что вы не любите, когда ваши подданные получают иностранные награды...

Наполеон кивнул:

— Совершенно верно. В этом смысле я согласен с английской королевой Елизаветой Первой. Помните, как она сказала? «Мои собаки должны носить лишь мои ошейники»...

— Тем не менее, — продолжал Павел, — я бы хотел достойно вознаградить кавалера Дюрана, который бился за меня, как античный герой. Подготовлен указ о пожаловании ему ордена Андрея Первозванного, а также титула барона Российской империи с приложением земель в Нижегородской губернии и тысячи душ крепостных. Что скажете?

— Скажу, что Мишель сполна заслужил столь щедрую награду, — ответил Наполеон, разводя руками. — Рад за него и ничего не имею против, случай совершенно особый. Тем более, что, защищая ваше величество, он выполнял мой приказ... Однако — что же получается? Став российским бароном и помещиком, он должен будет перейти на службу к вам?

— Я согласен, — сказал Павел с улыбкой.

— Но я-то лишусь наилучшего телохранителя! — с чисто итальянской живостью вскричал Наполеон. — И кем я его заменю? Впрочем, — добавил он, — в интересах укрепления нашего союза...

— Именно с этой целью, — серьезно подтвердил император. — Благодарю, ваше превосходительство. Вы совершенно точно меня поняли... А теперь предлагаю обсудить нашу коалицию.

Обсуждение затянулось до ужина. Собеседники были едины в ненависти к Англии и стремлении поставить ее на колени. Первые шаги к цели уже были сделаны. Русский и французский корпуса, каждый по тридцать пять тысяч человек, соединились в устье Волги и под общим командованием генерала Массена отплыли в персидский порт Астрабад, чтобы оттуда форсированным маршем устремиться на Индию. А двадцать тысяч казаков под началом атамана Орлова-Денисова и офицера Платова шли туда же — через Среднюю Азию и, преодолевая непривычную жару, успели покорить Хиву с Бухарой...

За ужином обсуждение продолжилось. Изменив привычке, Наполеон выпил несколько рюмок коньяку, да и Павел не отставал. Собеседники расслабились настолько, что, пользуясь отсутствием дам, сбросили мундиры и даже расстегнули жилеты. У обоих было прекрасное настроение, рожденное ощущением единодушия. Наследный император и вчерашний генерал-якобинец понимали друг друга с полуслова.

— У наших стран нет общих границ, а стало быть, не может возникнуть неразрешимых проблем, — говорил Наполеон за десертом. Очистив апельсин, он любезно передал его Павлу.

— Благодарю вас... Я придерживаюсь того же мнения, — произнес раздумывавшийся Павел. — Наша коалиция обещает столь многое, что, по чести говоря, неминуемое сокрушение Англии станет лишь началом общеевропейской гегемонии России и Франции. А внутренние разногласия, буде таковые случатся, мы всегда сумеем разрешить внутренним же порядком. Залогом тому — огромные выгоды от союза, которые, безусловно, перевесят возможные издержки.

— Готов подписаться под каждым словом, ваше величество, — подхватил Наполеон. — И в знак полного доверия к вам я хочу сообщить нечто, о чем никто еще не знает...

Наклонившись к Павлу, первый консул негромко продолжал:

— Полагаю, для вас не секрет, что революция в нашей стране закончена. Она сделала свое дело, и довольно. Французы устали от хаоса, они хотят возвращения к исконным традициям! Для начала я покончил с якобинским безбожием и восстановил в правах церковь со священниками. Но это не все... — Он еще сильнее понизил голос. — Францией тысячу лет управляла монархия. И потому в ближайшие два-три года я намерен короноваться!

Павел внутренне улыбнулся. Не о таком ли развитии событий он совсем недавно говорил изменнику Палену?

— Прекрасное и мудрое решение, ваше превосходительство, — веско произнес он. — Строить большие планы, опираясь на зыбкий фундамент консульской власти, было бы недальновидно. Чем вы уступаете древним королям, создававшим империи силой оружия? Можете не сомневаться, что со своей стороны я всячески поддерживаю идею основания новой французской династии.

— Династии... — эхом отозвался Наполеон. На лице первого консула проступило непривычное смущение. — Вы затронули самое уязвимое и болезненное место, ваше величество. Увы, моя супруга бесплодна и... Словом, если всерьез говорить о создании собственной династии, развод с Жозефиной неизбежен, как бы я ни любил ее...

Павел сожалеючи посмотрел на собеседника.

— Понимаю ваши чувства... Но что же делать? Великое дело требует жертв. И я не сомневаюсь, что после развода вы легко найдете новую супругу,

которая произведет на свет ваших наследников. Советую обратить внимание на кого-нибудь из немецких принцесс. Их плодовитость вошла в поговорку. Моя жена — прекрасный тому пример! — добавил он интимным тоном, не лишенным оттенка фривольности.

Наполеон покачал головой.

— Мой будущий выбор уже сделан, ваше величество. После развода я намерен просить руки вашей старшей дочери Елены...

Сказал — и вцепился взглядом в лицо собеседника.

Такого поворота Павел не ожидал и даже решил, что ослышался. Он изумленно посмотрел на первого консула. Друг Робеспьера, якобинский полководец, душитель роялистского восстания... И — повелитель Франции, которая так нужна России в этом опасном изменчивом мире ... Но — Елена, любимая дочь, плоть от плоти, воплощенная нежность и грация?.. Он, отец-император, из политических соображений должен своими руками уложить ее в постель коротконового плотного корсиканца с характерной черной шевелюрой, грубоватой внешностью и немолодого годами?..

Ах, как хотелось в этот миг сказать Наполеону что-нибудь спесивое! Ну, например: «Не по Сеньке шапка». Или: «Руби сук по себе». Сказать — и поставить жирный крест на союзе с Францией. Такого оскорбления первый консул, конечно, не простит (нечего и мечтать!) и даже пренебрежет огромными выгодами от коалиции с Россией. Вместо союзника Павел обретет врага. И Англия, заплатившая за его, Павла, свержение, избежит возмездия. И сказочные богатства Индии осядут в чужой казне. И европейская гегемония останется пустой мечтой... Стоит ли всего этого красота и невинность дочери?..

Но каким ударом обернется решение императора для семьи! Какую бурю негодования вызовет оно в обществе! А что скажет и — главное — какими глазами посмотрит на него Елена?

Сердце на миг сжалось. Чтобы не выдать себя, Павел закрыл глаза и под пристальным взглядом Наполеона, ужасаясь собственным словам, медленно произнес:

— Я не могу отдать руку дочери первому консулу республики. Но будущий суверен Франции после коронации и развода с императрицей Жозефиной сможет объявить о помолвке с российской принцессой Еленой Павловной...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КЕЛЬТСКИЙ КРЕСТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Владимир Ходько

Иван Францевич кашлянул и несколько гнусаво (томился насморком) произнес:

— Знакомьтесь, господа. Полковник Ходько Владимир Анатольевич. Тайный советник Буранов Михаил Михайлович.

Мы обменялись рукопожатием.

— Ну-с, о цели своего визита Михаил Михайлович сообщит сам, — добавил Иван Францевич с некоторым напряжением в голосе. — Беседуйте, господа. Не буду мешать.

С этими словами Нессельроде удалился, аккуратно притворив за собой дверь, а я показал гостю на стул возле моего стола.

— Присаживайтесь. Чай, кофе?

— Зеленый чай, коли есть.

— Отчего же, имеется. Вот и пепельница.

— Благодарю.

Гость положил на стол изящную кожаную папку, неторопливо достал коробку элитных папирос «Царское село» и зажигалку, инкрустированную перламутром. Покуда я возился у чайного столика, размял табак длинными пальцами (на левом безымянном тускло блеснул перстень — яшма, оправленная в серебро), прикурил и выпустил облачко ароматного дыма.

Личный аналитик его Императорского Величества Николая Второго Михаил Михайлович Буранов был человеком незаурядным, загадочным и отчасти легендарным. При этом его роль и служебные функции никак не афишировались. Тайный советник — и все. Мало ли тайных советников на бескрайних просторах Российской империи? Подписывают бумаги, дремлют в присутствиях и попивают шампанское на придворных балах, сверкая золотым шитьем парадных мундиров да бриллиантовой пылью орденов за выслугу лет. Но Буранов...